

УДК 1:792+316.74:792

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.А. Аникин

Аннотация

Статья посвящена анализу процессов конструирования прошлого в условиях глобализирующегося социума. Рассматриваются существующие тенденции становления глобальной политики памяти, выявляются закономерности и механизмы обращения к прошлому как к средству легитимации глобальных контуров мирового сообщества. Автор приходит к выводу, что кризис национальной политики памяти в условиях наложения различных институциональных структур (национальных и наднациональных) становится источником потенциальной конфликтности и рискогенности.

Ключевые слова: политика памяти, глобализация, конструирование прошлого, социальный проект.

Изменения, происходящие в пространстве современного общества, свидетельствуют о том, что меняется сам тип социальных общностей, определяющих конфигурацию миропорядка, но остается принцип исторической легитимации. Иначе говоря, становление глобальных политических и экономических структур сопровождается выстраиванием соответствующего видения исторического процесса, обосновывающего претензии данных структур на адекватную замену государств и внутригосударственных институтов.

Социальное пространство становится глобальным, а признание глобального характера изменений, происходящих в коренных структурах социума, требует адекватного этим изменениям метода анализа социальной действительности. Пытаясь произвести анализ инновационных феноменов с использованием устаревшей методологии исследования, представитель социального знания рискует либо признать наличие множества фактов, не поддающихся объяснению в рамках избранной теории, либо сознательно исказить характер происходящих процессов в угоду стройности теоретической конструкции, чему может способствовать изначально политизированный характер его анализа (пример С. Хантингтона). Дело в том, что в результате глобализации меняется сам характер социального пространства. Замыкаясь в эпоху индустриального общества в границах национальных государств, в настоящее время оно лишается столь жесткой централизации, становится «обществом сетевых структур».

Пространственная децентрализация, деятельность транснациональных корпораций и размывание границ национальных государств – все это способствует

трансформации социальных субъектов, в качестве которых начинают выступать не политические, а культурные образования, имеющие критерием своего выделения не выявление общих политических интересов, а осознание культурного единства с неким «воображаемым сообществом». Человек, не подвергавшийся явной идеологической обработке со стороны государства, способен констатировать свою принадлежность к той или иной культуре на основании самоидентификации, осуществлению которой способствует наличие ментальных установок, позволяющих судить о том, какая культура для человека оказывается своей, а какая – чужой. Культуру, ценности и приоритеты которой оказываются ему наиболее близкими, индивид эпохи глобализации способен принять в качестве своей социальной общности [1, с. 269].

В европейской истории Нового времени основным типом социальных субъектов, нуждающихся в легитимации собственной идентичности посредством конструирования определенной картины прошлого, были национальные государства. Получив распространение в эпоху постепенного исчезновения сословной структуры средневекового общества, они сумели объединить в своих пределах практически все иные типы социальных общностей с присущими им практиками конструирования социальной памяти и ее актуализации. Конечно, даже в условиях существования национальных государств всегда сохранялось немало особых «групп памяти», но истории, рассказывающиеся в таких группах, всегда оставались на периферии официальной памяти, представляя собой инварианты той картины прошлого, которая транслировалась государственными средствами коммуникации и обеспечивала воспроизводство национально-государственной идентичности [2, с. 57].

Резкое изменение социальных общностей и увеличение их числа, развитие средств коммуникации и получение доступа к ним практически всех социальных групп лишают социальную память непротиворечивости и последовательности, свойственных эпохе существования национальных государств. Любое знание, в том числе и знание о прошлом, становится принципиально верифицируемым и корректируемым со стороны любых заинтересованных в этом знании социальных институтов или отдельных индивидов. Образ последовательно развивающейся, однонаправленной и непрерывной памяти сменяется множеством отдельных серий событий, «мест памяти» (по терминологии П. Нора), которые образуют последовательность лишь в результате совокупности историографических операций и коммеморативных практик. Вместе с тем опрометчиво было бы считать, что ризоматичность восприятия прошлого является основанием для краха любых интегративных идеологий. Складывается ситуация, при которой *деконструкция национальной истории становится предпосылкой создания глобалистского проекта политики памяти*.

По словам А. Дюкова, принципиальна «необходимость разделения терминов “политика памяти” и “историческая политика”». Когда 9 мая мы приходим возлагать цветы к Могиле неизвестного солдата – это тоже политика памяти, одновременно индивидуальная (поскольку мы совершаем это по зову сердца) и коллективная (поскольку цветы возлагаем не мы одни)... Политические манипуляции начинаются при попытке замены национальной идентичности, при попытке создания новых пантеонов жертв и героев» [3]. Такая позиция эмоционально

оправдана, но весьма уязвима с философской точки зрения. Политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политическая ситуация вызывает потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов, устаревшими оказываются сами стратегии обращения к прошлому. Таким образом, определенный тип памяти начинает поддерживаться и транслироваться с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучны приоритетам современной политики.

Можно конкретизировать приведенные выше суждения следующим образом: *политика памяти* представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик.

Сохранение историзирующей легитимности, то есть стремления обосновать политические контуры и ценностные основания современной социальной общности ссылками на непрерывность исторической традиции, способствует тому, что политика памяти, меняя свои социальные основания, сохраняет действенность и в условиях глобализирующегося социума.

Кризис национальных государств под давлением процессов информатизации и глобализации вызывает к жизни необходимость пересмотра и того типа памяти, который концентрировался вокруг истории отдельного государства и вдохновлялся национальными ценностями. На смену национальной памяти постепенно приходит память единого мирового сообщества или тех социальных институтов, которые принимают на себя функцию репрезентации мирового сообщества в определенных сферах человеческой деятельности (ООН, НАТО и др.). Дело в том, что у человечества как целого никогда не было общей памяти – возникновение самой идеи о человечестве как целом и, соответственно, о наличии общечеловеческой социальной памяти можно датировать только началом XX в., когда экономические и военные коммуникации заставили людей даже в самых отдаленных уголках Земли почувствовать себя населением одной планеты. Глобальный проект политики памяти, реализуемый посредством идеи культурной глобализации, именно поэтому строится на отрицании расовых, национальных и классовых различий и подчеркивании тех признаков, которые позволяют каждому индивиду осознавать себя не как представителя конкретной социальной группы, а идентифицировать с человечеством в целом. Само собой разумеется, что образ «человечества» в данном случае строится по особым лекалам, разработанным в русле европоцентристской традиции, а достигнутые в результате развития этой традиции ценности во всеуслышание объявляются неотъемлемыми чертами всего человеческого рода.

Подобное допущение делает невозможным, с точки зрения неолибералистов, сохранение традиционных (в том числе и национально-государственных) типов политики памяти, поскольку даже при соблюдении принципа политкорректности подобный исторический нарратив оказывается недостижимой гносеологической фикцией в силу своего несоответствия дидактическим и литературным основаниям. Этот сюжет будет представлять собой настолько хаотическое смешение различных «мест памяти», что связность нарратива окажется нарушенной, а возможность усвоения социальной памяти конкретным представителем

зарождающегося глобального сообщества – близкой к нулю. Сама история «глобального мира» логически может быть ограничена описанием лишь тех исторических событий и явлений, которые носят наднациональный характер – миграции, распространение технологических новшеств, эпидемии и т. д. – и тех шагов, которые предпринимаются современными организациями по экономической или политической консолидации мирового сообщества (см. [1, с. 270–271]).

При этом необходимо отличать глобализм как экономическое течение, отстаивающее идею всемирного рынка и полезность трансграничного движения капитала, от всеобъемлющей идеи, именуемой У. Бекком «космополитическим мировоззрением». Как указывает немецкий ученый, «космополитическое мировоззрение необходимо как предварительное условие изучения процесса преодоления границ, который пробуждает неонациональный рефлекс, заставляющий вновь выстраивать ограды и барьеры» [4, с. 26]. Глобализация рисков, приводящая любое общество, вне зависимости от его принадлежности к развитым или развивающимся, в состояние постоянной угрозы, требует не только институциональной космополитизации (создания системы межгосударственных механизмов урегулирования данных рисков), но и формирования новых форм мышления, постановки проблем и поиска решений.

Вполне естественной в этом случае представляется точка зрения, согласно которой космополитический (или глобальный) тип политики памяти должен конструироваться без учета индивидуальных траекторий развития отдельных цивилизаций или социальных групп. Сосредоточение внимания на уникальности исторического развития оказывается вопиющим противоречием на пути становления глобальной идентичности, способной избежать культурных разломов и, соответственно, конфликтов на почве культурных предпочтений или исторического несоответствия. В центре внимания современной социальной науки оказывается поиск универсальных феноменов развития человеческого сообщества, а также тех явлений, различие в оценках которых окажется не способным быть основанием межнациональных или межгосударственных конфликтов. Такая предпосылка имеет прагматический и аксиологический аспекты.

Прагматический аспект формирования глобального мировоззрения (и глобального проекта политики памяти) состоит в постепенном отказе от национальной формы идентичности, которая становится препятствием на пути повышения эффективности взаимодействия. В эпоху Нового времени идеальный чиновник должен был быть выразителем национального духа своего государства, носителем того образа прошлого, который служил источником идентификации различных индивидов, даже не знакомых лично, с определенной политической единицей. Приверженность гражданина своим национальным ценностям (что чаще всего и именуется патриотизмом) являлась залогом его успешности на служебном поприще и гарантией существования государства как «воображаемого сообщества» (в терминологии Б. Андерсона). Соответственно, образовательные институты национального государства имели своей целью трансляцию определенного образа прошлого, совпадающего по своим пространственным и временным границам с историей существования народа или государства, с которым идентифицировало себя население.

В противоположность государственному чиновнику сотрудник ТНК (транснациональных корпораций) наиболее эффективен именно тогда, когда он полностью утрачивает свои национальные особенности и начинает мыслить категориями существования своей корпорации, а не той страны, к числу граждан которой он принадлежит в силу своего рождения на определенной территории или происхождения от представителей той или иной этнической общности. Культурная специфика сотрудника компании может быть востребована лишь в одном случае – в случае проникновения корпорации, к которой он принадлежит, на специфически культурно окрашенный рынок, во всех же остальных ситуациях редуцирование культурной специфики работников является залогом успешности и эффективности развития корпорации [5, с. 289–290].

Аксиологический аспект создания глобального проекта политики памяти акцентирует внимание на потребности современного человека в поиске новых ценностных оснований собственного существования, не привязанных к границам определенной национальной или государственной общности. Усиление националистических тенденций в современном политическом дискурсе (отделение Косово и Абхазии, конфликты на национальной почве во Франции) демонстрирует неэффективность существующего на современном этапе развития глобалистского проекта политики памяти. На эмоциональном уровне происходит инстинктивное обращение к ценностям, которые позиционируются в политическом пространстве как «традиционные» (даже если традиция в данном случае выступает всего лишь методологическим конструктом).

При этом необходимо понимать, что национальная память, проявляющая себя даже не в сознательном выборе вполне определенных ценностей, а в имплицитных параметрах мышления как профессиональных историков, так и рядовых граждан, не просто становится лишней в эпоху глобализации, но превращается в источник потенциальных рисков. Национальная память опасна, поскольку строится на подчеркивании претензий к другим нациям и восхвалении собственного национального достоинства. Идентичность, построенная на таком типе памяти, строится на конфликтных ситуациях, поэтому может выступать фактором, затрудняющим успешное функционирование социальных общностей и социальных институтов в современном мире [1, с. 272–273].

Современная глобальная ситуация оказывается прямо противоположной эпохе созидания национальных государств, когда все доступные государственные ресурсы задействовались в процессе закрепления за политическими субъектами определенных зон экономического влияния. Национально-государственный тип социальной памяти в этот момент находился на пике популярности, поскольку для подкрепления своих притязаний (прежде всего территориальных) требовалось постоянное повторение рассказываемых историй с целью усвоения национальной идентичности всеми жителями территории, охваченной влиянием того или иного государства. В современном обществе происходит деконструкция национальной памяти, расчленение ее до составных элементов, что дает возможность собирания из этой мозаики совершенно иного типа социальной памяти, позволяющего избежать конфликтов между образами прошлого, транслируемыми в различных национальных государствах. Трудности, переживаемые в настоящий момент национальной памятью, вызваны не только внешним натиском

со стороны глоболизирующих тенденций мирового развития, но и дискомфортом в процессе самоидентификации с определенной национальной общностью – во многом из-за того, что социальная память многих подобных общностей в результате бурных событий последнего столетия оказалась запятнана фактами, подлежащими скорее в забвению, нежели сознательному запоминанию и реконструированию. Национальная идентичность, основывающаяся на сохранении в памяти социального сообщества событий национальной истории, становится чересчур дискомфортной, что заставляет индивида искать альтернативные способы идентификации – через соотнесение себя в первую очередь с другими социальными общностями либо через приобретение виртуальной идентичности [6, с. 73].

Можно выявить два существенных недостатка, не позволяющих национальной памяти успешно функционировать в условиях современного мирового порядка.

1. *Информационный плюрализм*, заключающийся в потенциальной возможности любого гражданина при помощи средств массовой информации (телевидения, Интернета и т. д.) выйти за пределы навязываемых ему государственной «политикой памяти» воззрений на прошлое.

2. *Кризис легитимности профессионального (в том числе и исторического) знания*, который является побочным проявлением все того же информационного плюрализма. В эпоху доступности и конкурентности различных источников информации профессиональное знание становится всего лишь одной из точек зрения, которая к тому же может сильно проигрывать альтернативным концепциям национальной памяти именно в силу своей привычности и отсутствия интригующих моментов.

Вместе с тем представляется чересчур поспешным констатировать «смерть нации» в результате наступления глобальной эры и актуализации соответствующих стратегий политики памяти. Глобалистский проект политики памяти является в настоящее время лишь одним из возможных вариантов реконструирования исторического прошлого. Активизация тенденции создания «единой истории», будь то история Европы (проект Ж. Ле Гоффа) или всеобщая история компании «Кока-кола», наталкивается на стремление индивидов к самоидентификации с определенными национальными сообществами.

Рост конфликтов на национальной почве и деконструкция политического и культурного пространства даже так называемых национальных государств свидетельствует о том, что процессы конструирования национальной исторической памяти, нередко подогреваемые соответствующими политическими заказами, в настоящее время значительно активизируются. Вряд ли разумно делать резкое различие между глобалистским и национальными проектами политики памяти. В качестве примера стоит привести положение современной Украины, пытающейся построить национальную политику памяти без утраты собственной идентичности в контекст более глобального политического сообщества – либо европейского, либо постсоветского. Таким образом, создание национальных проектов политики памяти основывается на принципах конкурентоспособности и востребованности определенных образов прошлого в условиях консенсусной демократии.

Summary

D.A. Anikin. The Policy of Memory in the Global World: Preconditions for Social and Philosophical Research.

The article analyses the processes of the designing of the past in the conditions of globalized society. We consider the existing tendencies in the development of the global policy of memory and discuss laws and mechanisms of referencing to the past as a means of legitimating the contours of the world community. The conclusion is made that the crisis of the national policy of memory under overlapping of various institutional structures (national and supranational) becomes the source of potential conflicts and risks.

Key words: policy of memory, globalization, designing of the past, social project.

Литература

1. *Аникин Д.А.* Социальная память как основание идентичности: методологические поиски и цивилизационные сдвиги // Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергичная антропология: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 19–20 нояб. 2009 г. – Казань: Познание, 2009. – С. 267–273.
2. *Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации? // Общ. науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 57–70.
3. *Дюков А.* Ни одно общество в мире не может обойтись без своей «политики памяти». – URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojtis-bez-svoej-politiki-pamyati>, свободный.
4. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исслед. постиндустр. о-ва, 2008. – 336 с.
5. *Вишленкова Е., Малышева С., Сольникова А.* История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. – 2004. – № 3. – С. 271–310.
6. *Аникин Д.А.* Память и миф в современном политическом дискурсе // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. – Вып. 8. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 73–81.

Поступила в редакцию
02.11.10

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dandee@list.ru